

Бурно прошел по стране юбилей Владимира Высоцкого. Даже в «заграничном» Мариуполе, где он был один раз, открыли памятник певцу. Юбилеи устроены так, что зачастую публично высказываются о виновнике воспоминаний не самые близкие к нему люди. Про Юрия Петровича ЛЮБИМОВА, режиссера Театра на Таганке, так не скажешь. Сложные творческие взаимоотношения двух сильных и талантливых личностей отошли со временем в сторону. Остались факты.

— Наверное, многие задают себе вопрос: «А чем стал бы Владимир Высоцкий в наши дни, если бы не умер так рано?» Вы могли бы ответить?

— Я думаю, чем он был тогда, тем бы остался и сейчас. Он сам на это ответил: «Пусть впереди большие перемены, я их, конечно, тоже не приму!» То есть как всякий порядочный человек, занимающийся искусством, он бы продолжал смотреть на то, что творится с людьми, а не восхвалять действия властей, какими бы те себя ни выставляли. Он иначе не жил. И недаром у него палитра была такая широкая, и аудитория — от учеников до любых работяг, подводников, золотоискателей. Видимо, главное его свойство было в том, что терпеть не мог какого-то лицемерия и надувательства. Того, что сейчас на сленге называется: «гнать попку, пург». Человек был преследуемый, гонимый, несмотря на огромную популярность. А иногда мог сделать то, что никому правителю не силам. Потому что люди его любили.

Когда-то мы выступали на гранце с Китаем, где местное начальство строго-настрого запретило, чтобы Высоцкий пел свои песни. А командающий, наоборот, попросил: «Нельзя ли, чтобы ваш артист спел, солдаты очень просят...» Они загнали автобус повыше, на автобус водрузили Владимира, поставили радио, микрофоны, и он прямо оттуда пел про хунхебинов, про культурную революцию. И этот генерал, который рядом со мной стоял, искренне позавидовал: «Ах, мне бы такой авторитет у солдат! Этим должен обладать истинный полководец!» Я понял его хорошую музиковую зависть. Видно, как теперь выражаются, «крутое» был господин.

Или известный случай, на КамАЗе, еще при строительстве. Грязь непролазная, единственная улица блочных домов. Работали были выходные и выставили вдоль улицы магнитофоны на полную железку, как полагается, и изо всех — Высоцкий. И сам он идет посреди улицы и кажется, что если он вдруг крикнет: «Гро-о-о-о-о!», то все земли под ним яже все порушат. Весь КамАЗ со всеми этими домами.

— Может, власти этого и боялись?

— Была в нем вот эта зараза, тяга к свободе, к независимости. А тут еще путают героев его песен с ним самим. Его «блестящий цикл» — это тонкая пародия, а власти воспринимали, что он сам блестной. «Шили» ему его собственные песни. Когда я хотел с ним Гамлета делать, власти запретили: «Какой это, мол, Гамлет, это — пыньяки из подворотни с пропитым голосом! Вы что, с ума сошли?» В итоге он получился трагической фигурой, которую всячески оскорбляют. Он не мог этого переживал, на концертах сам говорил: «Что же получается? Все меня знают, а я — никто. Не печатают. Записей моих не издаются». Впервые его записали французы, потом канадцы, американцы. И за это еще больше попадало.

А то его ОБХСС начинало ловить. Получал он в театре 150 рублей. Приезжал к нему Марина, он должен был ей что-то показать, отвезти в ресторан. Эта дама привыкла по-другому жить. Вот он и давал свои конверты. А его за это ловили. Даже

следствие было какое-то, меня на допрос вызывали.

В первую очередь он был поэт и очень обижался, что все поэты свысока похваливали по плечу, мол, давай, Володенька, выпей, а ты спишь. Отсюда и все привычные нам комплексы. Приходит в театр, расстроенный. Говорю: «Что с тобой?» Он: «В Союз писателей не приняли!» — «Волода, да что ты, милый, из этого Союза бежать надо, а не скряться, что не приняли!» Поскольку все случилось прилюдно, тут же донесли, что Любимов соблазнял артиста покинуть Советский Союз! Куда ни кинь, все какой-то скверный анекдот получается.

— Когда вы впервые встретились в Высоцком?

— Сразу же после возникновения театра на Таганке. Его кто-то привел, думая, что наши лады. Он же окончил школу-студию МХАТ, а его отовсюду выгоняли. Восшел. Кепарь, серенький пиджачишко из бутика. Сигареточку, конечно, погасил. Прочитал что-то маловразумительное, бравадное, раннего Маяковского, кажется. Я говорю: «А гитарка чего так скромно стоит? Кореша, значит, вам уже сообщили, что шеф любит, когда играют на гитаре?» — «Нет, я хотел бы спеть, если вы не возражаете».

Итак он пел мне сорок пять минут. Через двадцать минут я спросил: «А что за тексты, скажите, пожалуйста?» Он так скромно говорит: «Тексты мои».

«Банки» еще не было, «Волков» не было, «Куполов» не было. Но уже, кажется, была «На нейтральной полосе». Спрашивав: «А где же вы выступаете?» — «Я больше так, для друзей, в компаниях пою». Я ему сразу сказал: «Приходите работать!» Мне тут же: «Зачем берете? Он — сильно пьющий. Намучается». А я говорю: «Какая мне разница: одним алкашом больше, одним меньше. Этот хоть простирается — так умный. С ним интересно дело иметь».

Конечно, с ним намучашся. Но все равно у меня никакого зла нет. Он и умница был, и интересовался всем чрезвычайно. И потому, что немаловажно, жизнь очень любил. Любил шататься внизу. Был сильный, крепкий и всегда истории придумывал. Убежит куда-то — скандал. Зато потом прибежит, начнет рассказывать, и все ему прощаешь.

Я думал, что он, если бы жил, писал прозу. Он ведь под конец большую бумагу и перед братом, чем подбирал свои незатейливые мелодии. Признавался, что заводится от ритма, от темпа, стих легче ложится. Мне кажется, он для этого и бранчил.

Хотя Альфред Шнитке считал чистой. Когда мы делали спектакль памяти Высоцкого, я его попросил: «Поддержки Володю музикально, аранжируй его». Он сперва сделал, но потом все снял и сказал: «Не надо, это его мир». Только мы с ребятами уговорили, чтобы оставил свою музыку к Волиной «Балладе». Чудесная, изорная баллада, и очень красива музикально.

— У вас были спектакли «Берегите ваши лица» по стихам Вознесенского, который воспринимался как бенефис Высоцкого. Расскажите.

— Он там спел всего одну песню — «Охота на волков». Зрители начали топать, свистеть, аплодировать. Они написали докладную в Политбио, что издавалось над нашими неудачами в космосе. Американцы как раз в это время перепрограммировали Репетиторов. Надо сказать, очень сложно.

— По поводу репетиций даже сейчас разные слухи ходят...

— Это набрехали по «ишики», что он кидал в меня штыки. Они придумали эту легенду на основе реальной, хотя и не связанной с Высоцким историей.

Молодой я играл Ромео на сцене вахтанговского театра.

Пришел на спектакль Борис Леонидович Пастернак, автор перевода.

Я имел честь быть знакомым с ним. Он сидел рядом с Вознесенским в партере, в первых рядах. И когда я фехтовал с Тибальдом, получилось, что шпага обломилась, и кончик ее вошел в глаза как раз между Вознесенским и Пастернаком. Борис Леонидович пришел за кулисы и говорит: «Вы меня чуть не убили! — и показывает обломок.

Все это перервалась на какие-то «штыки». Мы удивительные люди, все время со страстью выискиваем какие-то пакости друг про друга. Нельзя же так. Вот помню, как Володя меня спас. Я очень сильно заболел, лихорадка, температура, сорок и пятьдесят. Жена в это время у себя в Будапеште с сыном. Я один валялся. И вот слышу какие-то бесконечные звонки. Добрался по

Вдоль обрыва по-над пропастью...

Юбилейная позолота не пристанет к Высоцкому

только после моих молчаний: «Хватит, мы поняли ваши отношения, прекратите. Вы не понимаете, что не надо этого делать, ведь они принесли демонстрацию!» В зале сидел Медентьев, министр культуры РСФСР...

Спектакль был сделан в форме репетиции, которую я могу оставлять, что-то подсказывать артистам, что-то менять. Рядом сидела кассирша, кому «репетиция» не нравится, можете встать, получить свои деньги и уйти. За

четыре раза, что мы съиграли, как

былся, был один такой случай. А потом спектакль прикрыли. Причем не из-за Высоцкого, а потому, что у Вознесенского была фраза-перевертка: «А луна канула» — читалась и так, и наоборот. Они написали докладную в Политбио, что издавалось над нашими неудачами в космосе. Американцы как раз в это время перепрограммировали Репетиторов. Надо сказать, очень сложно.

— Как возник «Гамлет?»

— Володя все время твердил: «Я так бы хотел играть Гамлета!» А я в это время выклянчивал у начальства разрешение поставить «Исторические хроники» Шекспира. И хотел, чтобы Володя там играл. Тяжба длилась бесконечно: «Нам наловили ваши самодельные композиции, ставьте каноническую пьесу!» Ну, и я написал заявление: «Прошу разрешить каноническую пьесу «Гамлет!»

Тогда они прицепились, что нельзя давать роль Высоцкому, нужен другой Гамлет. Я говорю: «Другим может быть только настоящий принц. Вы с ними, принципами, встречаетесь, в отличие от меня, и тот и договорившись. Если какой-нибудь принц придет, то я подумаю. Пусть играет во втором составе». Так валил дурака, а Высоцкий тем временем перепрограммировал. Репетиторы, надо сказать, очень сложно.

— А не трудно было двум таким сильным личностям, как вы и он, уживаться в одном театре?

— Да нет. Володя, несмотря на весь свой характер, прекрасно понимал, что «каждый сверчок знай свой шесток». У него всей этой советской сволочкой галиматы в голове не было. Он был поэт.

Я потому и дал ему играть Гамлета Да, он был хороший артист, но замечательен был не этим, а тем, что создал свой мир, свою совершенно удивительную поэзию. Только несколько человек поняли, что он такое, а артисты только одно твердили: « Почему ем можно, а нам нельзя?»

Вот мы ему разрешаем, а нам нет, почему? Я говорю: «А потому что вы не умеете играть Гамлета...»

— Сейчас вы называете его Юрием Владимировичем. А как называли в жизни?

— Самым зловещим было, не когда я на них орал. А когда негромко говорил: «Владимир Сергеевич, будьте добры, покиньте сцену. Вы не слышите, что я вам говорю? Уйдите, пожалуйста, от сцены!» И он уходил. И никакими штыками не кидался.

Бывали, конечно, всякие случаи. Один раз я сказал гробость. Вообще репетиции на «Гамлете» были тяжелые. Хотя Володя и

был: «Гамлет... Гамлета...», но

стенке до двери. Открыл. Стоит Володя. «Что с вами?» Я говорю: «Я заболел. Он довел меня до постели: «Надо же что-то предпринимать. Вы только дверь не захлопните...» И исчез. Оказывается, он на своем «Мерседесе» проехал через охрану в американское посольство, сказал, что у него шеф загибается. Они дали ему какой-то мощнейший антибиотик, и обратно он тоже вырвался на скотчу сквозь кордон милиционеров. Потом, конечно, был жуткий скандал: еще бы! Но он привез мне эти таблетки, сказал, как надо принимать. Через два дня я встал, хотя мог бы затащиться. И такой он был во всем — азартный. Вот понравилась ему «королева» Марина Влади, он ее и добил.

— Но сложности были и потом...

— Вы имеете в виду случай, о котором рассказывала Демидова, когда Владимир пропал в Марселе во время гастролей? Я нашел его в четыре утра в каком-то тортом винном баке. Кафе-барахолка, были доловьи, ухмылялись: наконец-то мы прокололись... Видимо, даже Володя это понимал, потому что, увидев меня, даже прозрел. Я говорю: «Садись в машину!» Тогда они прицепились, что я не могу это делать. На этот раз я сорвался: «Вышел?» — «Да, а что?» — «Ну, и уходи отсюда».

Он сперва не понял. «Нет-нет, уходи!» — «Почему? Что?» — «Поэтому что так нельзя! Чего ты злости? Ну, и что, что ты вышел? Тут и началось...

— Прямо убить себя нельзя, но можно убить себя постепенно...

— Тем, что он пил? Врачи мне говорили: «Вы на него сердитесь, а, может, это наследственное и он нечего не может». Его родители отказались мне помочь поместить Володю в больницу. Хотя я не родственник, все-таки сгреб его и отвез принудительно. И считаю, что правильно сделал. Потому что он после этого два года работал, сочинил прекрасные стихи, песни, хотя кино снять. Его кинонники обманывали, Одесская студия морочила голову. Я говорю: «Да обманут они тебе. Репетитор лучше Бориса Годунова. Чего ты ждешь? Полгода. Она сказала, что занята, я говорю: «Нет, мама, вам придется бросить дела для языка и присесть к мужу». Чему?

— Сейчас вы называете его Юрием Владимировичем. А как называли в жизни?

— Самым зловещим было, не когда я на них орал. А когда негромко говорил: «Владимир Сергеевич, будьте добры, покиньте сцену. Вы не слышите, что я вам говорю? Уйдите, пожалуйста, от сцены!» И он уходил. И никакими штыками не кидался.

Бывали, конечно, всякие случаи.

Один раз я сказал гробость. Вообще репетиции на «Гамлете» были тяжелые. Хотя Володя и

был: «Гамлет... Гамлета...», но

делу», он делает именно то, что необходимо. Особенно это важно в трагедии. И Высоцкий словно достиг совершенства. Зад это понял, догадался, что происходит что-то необыкновенное. Конечно, каждый раз так работать нельзя.

Начинал он стихами Бориса Леонидовича Пастернака. Вышел и заявил глумливо: «Гул затих! Я вышел на подмостки!» Возникли же Волин и «добудь», как в «Гамлете».

И тогда я позвонил Андропову и сказал: «Ваша деятели не понимают, кого они хоронят. Может быть новая Ходынина!» И Андропов ответил: «Хорошо, товарищи Любимовы. Вы слышите, я пока еще называю вас «товарищи». Придет мой человек и будет вам помагать, чтобы никаких Ходынок не было».

Очередь шла от Кремля, мимо Красной площади наверх. Люди к Волину шли всю ночь. Утром было совершенно дикая жара. И все несли цветы, оберегая их зонтиками. Внизу у Москвы-реки перекрыли шествие грузовиками. Тогда толпа спокойно раздвинула грузовики, и люди опять пошли, а солдаты сделали вид, что они ничего не видят.

Пришел генерал кагебешный: «Надо продлить панихиду». И повторил слова Андропова: «У нас пока с вами общие интересы». Так мы и ходили с ним по тротуару мимо метро, а люди шли к грому. Я попросил Володина дружой — физкультурников, мастеров спорта, — они держали линию. Если начинался какой-нибудь эксцесс, они сразу этого человека под боялы рученьки уводили в сторону. Но люди вели себя изумительно.

Чего не скажешь о властях. Площадь была запружнена народом, люди стояли на крыльях домов. Волин портрет был на фасаде театра, на втором этаже. Как только мы вынесли гроб, они сразу побежали к нему в тоннель. Я: «Как? Почему?» Но же меня послушали.

Только помню, как они сразу пустили поливочные машины, чтобы смыть цветы, которыми была завалена площадь. И какие-то молодчики стали выливать портят Высоцкого с фасада. И тогда толпа начала скандировать: «Фа-ши-ты! Фа-ши-ты!»

Беседовал Игорь ШЕВЕЛОВ

Таганка, 1977 г. «Нет ли лишнего билетика?»

Главный редактор номера: Ольга ТИМОФЕЕВА
Газета зарегистрирована в Мининформ